

КИТАЙ ГЛАЗАМИ КИТАЕВЕДА

ВПЕЧАТЛЕНИЯ - 20 ЛЕТ СПУСТЯ

Опытный визитер, возвращаясь в какую-либо страну, не только замечает перемены в ее жизни, но вольно или невольно сравнивает их с тем, что видит у себя на родине. В свое время Ю. Чудодееву довелось пообщаться с хунвэйбинами, в середине 80-х гг. - увидеть Китай уже реформирующимся, но все еще отсталым, только начинавшим приходить в себя после маоистских экспериментов. Перед ним предстали тогда «крайне убогая жизнь основной массы народа, бедные и однообразно одетые люди, по большей части жалкие жилища» (с. 6-7). Теперь многое изменилось: развитая транспортная инфраструктура, современный облик крупных городов, являющий черты экономического преуспевания - небоскребы, банки, гостиницы, магазины и рестораны. Прилично и разнообразно одетые люди, мобильные телефоны, компьютеры. Страна находится в движении и поисках новых возможностей.

Вот еще, вроде бы, частное наблюдение: на улицах почти не встречаются милиция и сотрудники ГАИ, движение обычно регулируют пенсионеры с нарукавными повязками (с. 11). Милиция не вооружена. Не берут чаевых официанты, таксисты, другие работники сферы обслуживания.

Все это разительно отличается от нашей практики. Автор справедливо относит такие черты китайской жизни на счет силы и авторитета государственной власти, законопослушности и дисциплинированности граждан. Но ведь и у нас властная вертикаль существовала на протяжении всей истории и после недолгого перерыва 90-х гг. восстановлена опять. А

особой законопослушности не видно - ни со стороны граждан, ни со стороны милиции, коей на улицах очень много, и все при оружии, даже с автоматами.

Вопрос немаловажный. Дисциплинированность и трудолюбие народа считаются одной из предпосылок успехов Китая. И спору нет, вся история централизованного китайского государства подталкивает к такому выводу. Думается, все же, что в основе трудолюбия и дисциплинированности китайцев, как и других на-

поддерживать в своей среде дисциплину и порядок, не прибегая к услугам государства. Так что в глубинной основе дисциплинированности и законопослушания китайцев лежит уважение к авторитетам, а не страх и покорность.

Хорошая иллюстрация к сказанному - история китайского выражения «старший брат» («*лао да гэ*») по отношению к сталинскому СССР. Официальным лозунгом советского руководства была тогда «братская дружба», но у китайцев просто нет такого понятия и такого слова, как «брат». Есть «старший брат» и «младший брат». Второй должен оказывать почтение первому и слушаться его. Так что позиция «младшего брата» была для Китая политической реальностью, но словесное оформление ей дали они сами. Теперь, по свидетельству Ю. Чудодеева, китайцы старших поколений вспоминают об этом с усмешкой. Это любопытно, но и важно, поскольку у китайцев есть склонность считать отношения между нашими государствами времен «братской дружбы» неравноправными.

МОДЕРНИЗАЦИЯ КИТАЙСКОГО ТИПА

Об этой стороне жизни Китая написано много. Но для меня, во всяком случае, оказалось новым в книге Ю. Чудодеева то, что первая страница экономических преобразований была открыта не по инициативе Дэн Сяопина (с. 28). Все, как известно, началось с аграрной реформы (1978-1984 гг.), которая вернула землю крестьянам, дав им возможность кормить самих себя и всю страну. Но, оказывается, это дело начали сами крестьяне, в провинции Аньхой, почувствовав ослабление мерт-



родов Восточной Азии, - историческая традиция орошаемого земледелия, в котором только большое количество и надежное качество применяемого труда могут обеспечить высокую урожайность на ограниченной земельной площади. Другая основа - эффективная самоуправляемость с древних времен низовых социальных коллективов (семьи, рода, общины), и поныне способных

Юрий Чудодеев - китаист с большим стажем. Его книга «На глазах меняющийся Китай» (М., ИВ РАН, 2008, с илл., 160 с.) - написана по следам недавнего посещения Китая, далеко не первого. Он имел возможность освежить свои впечатления, обсудить с китайскими коллегами проблемы их страны и отношений между нашими государствами. Это вызывает интерес именно сейчас, когда в Китае начали активно реагировать на возникшие перед страной новые трудности.

вой хватки государства после смерти Мао Цзэдуна. И первоначально их действия встретили неодобрение в Пекине, включая Дэна, но были поддержаны местным руководством во главе с первым секретарем провинциального комитета КПК Вань Ли, а затем в провинции Сычуань тамошним первым секретарем Чжао Цзыяном. Позже первый из них стал председателем парламента (1988-1993 гг.), второй - главой правительства (1980-1987 гг.), а затем генсекретарем ЦК КПК (1987-1989 гг.). Следовательно, и в те времена в китайской компартии существовали более развитые обратные связи, чем в КПСС. Это также высвечивает важную особенность Китая как страны, где и поныне крестьянство составляет значительное большинство населения, а условия его хозяйствования и жизни вновь начали деградировать.

Аграрные преобразования, как известно, дали мощный импульс для продвижения реформ в другие сферы экономики, и тогда Дэн Сяопин выдвинул, как и Н.Бухарин, лозунг «Обогащайтесь!» (с. 31). Главная особенность реформ, связанных с его именем, - в том, что новый, рыночный сектор экономики стали создавать в «специальных экономических зонах», рядом с сектором социалистической государственной промышленности, не затрагивая основ его организации. Это оказалось возможным, во-первых, благодаря успехам в аграрном секторе. Во-вторых, благодаря открытию страны для иностранных инвестиций - на 70-80% состоявших из капитала зарубежных китайцев. В России 90-х гг. подобных условий не было и в помине, а потому реформы пришлось начать с болезненного процесса рыночной трансформации всей социалистической экономики сразу.

«РОСТ БЕЗ РАЗВИТИЯ»

И все же, как справедливо отметил Ю.Чудодеев, в начале XXI в. Китай еще остается сравнительно бедной страной. По производству продукции на душу населения он находится на 125-м месте в мире (с. 61). Но главное, Китай подошел к тому рубежу, на котором утрачивается ведущая

роль в экономическом росте его основного преимущества - изобилия дешевой и мобильной рабочей силы. Именно это в соединении с зарубежными инвестициями обеспечило прорыв китайской промышленности на внешние рынки. Теперь положение меняется: «рост без развития» обнаруживает пределы своих возможностей. Автор цитирует слова генерального секретаря Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК о том, что партия стоит «перед лицом массы небывалых дотоле новых проблем и новых испытаний» (с. 63), и очерчивает порочный круг противоречий, в который затягивается Китай. Они, в общем, известны, но в книге проиллюстрированы любопытными цифрами и наблюдениями.

Прежде всего, экономический рост ведет к углублению противоречий: между городом и деревней, богатыми и бедными, приморскими и внутренними регионами. Вот, например, любопытные цифры из книги: за 2001-2006 гг. число долларовых миллионеров в стране увеличилось со 124 тыс. до 310 тыс. (с. 64). Добавим, в 2007 г. их было уже 415 тыс. Но, в Японии в том же году таковых насчитывалось 1 млн 125 тыс. Это сравнение показывает, насколько еще слабо и неравномерно развита экономика Китая, где успешное предпринимательство возможно только в ограниченных видах бизнеса и регионах.

Обостряются противоречия между городом и деревней. Происходит обезземеливание крестьянства, изъятие сельскохозяйственных земель в ходе урбанизации и промышленного развития, растет поток безработных («минь гун») в города (с. 89). В процессе быстрого экономического роста достиг опасного рубежа ресурсный и экологический кризис, сокращение площади пахотной земли вплотную приблизилось к опасному пределу - 120 млн га, растет импорт энергоресурсов. Некоторые китайские специалисты считают, что нынешнее население страны вдвое превышает допустимый уровень. Одной из острых проблем остается коррупция в партийно-бюрократическом аппарате, что естественно для стран с таким высоким уровнем вмешательства государства в экономику, как Китай или Россия.

XVII СЪЕЗД КПК

Ю.Чудодеев оценил его как «этапное событие» и «съезд обновления», на котором была принята программа всесторонней модернизации страны (с. 77-79). В самом общем виде - это «концепция научного развития», переход от экстенсивной модели роста к интенсивной, смягчение социальных противоречий. Не отказываясь от лозунгов социализма, съезд развил идею построения гармоничного общества с опорой на средний класс на принципах конфуцианского «умеренного благосостояния» («сяо кан») без присущего обществам Запада бума потребления и гедонизма.

Но есть один вопрос, о котором пока не говорится конкретно. Это перспективы государственного сектора в крупной промышленности. «Реформы 1980-1990-х годов, - пишет Ю.Чудодеев, - так и не сумели сделать этот сектор экономически эффективным». Однако широкая приватизация в нем остается «политически неприемлемой для руководства КПК» (с. 40-41). Неэффективность этого сектора остается препятствием на пути решения выдвинутой партией «концепции научного развития», включая переход от самой затратной в мире (с. 83) модели экономики к интенсивной и инновационной.

Главный вывод, в котором я укрепился, прочитав книгу Ю.Чудодеева, следующий. Если в течение первых десятилетий новой экономической политики можно было говорить о постепенном, плавном ходе преобразований, и это многими ставилось в укор российским реформаторам 90-х гг., то теперь положение меняется. Китайскому руководству предстоит реформировать социалистическую государственную промышленность, что будет уже не терапией, а хирургической операцией. Это, конечно, не может не повлиять на политическую обстановку в стране. Одновременно все насущнее становится задача поддержки аграрного сектора, который до того был одной из опор экономического роста и амортизатором его противоречий.

Ю.Г. АЛЕКСАНДРОВ,
доктор экономических наук